

Испытание радугацией

26 апреля 1986 года – день, когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС.

Тогда на ликвидацию последствий аварии из Ярославской области было отправлено 1800 человек, из Ивановской – 1950. Среди них был Евгений Жуков – в прошлом ивановец, а ныне ярославец.

Для людей, в чьей жизни и судьбе чернобыльская трагедия оставила след, она стала серьезной проверкой на силу духа, прочность, человечность. И тех, кто эту проверку прошел, уже невозможно считать простыми, обычными людьми. Даже если до испытания радиацией они такими и были.

Для строителя Евгения Жукова Чернобыль начался с безобидной бумажки.

– Я как раз вернулся из отпуска в конце мая, а на столе лежит повестка на медкомиссию в военкомат. Сначала я прошел ее в нашем городе Тейково, потом нас отправили в военкомат в Иваново, и уже только там мы узнали, что поедем на ликвидацию последствий чернобыльской аварии. Мне было тридцать три года, среди ликвидаторов оказались и пятидесятилетние, и старше. Все военнотехники, об отказе не могло быть и речи. Хотя про то, что произошло в Чернобыле, мы уже знали.

Несколько дней в поезде Иваново – Москва – Курск. В Курске – перевалочный пункт, забрали гражданские вещи, выдали военную форму. Снова поезд Курск – Киев – Белая Церковь. Потом на машинах до границы Чернобыльской зоны. Там для нас уже построили палаточный городок. Все прибывшие русские вошли в состав 26-й бригады.

– Было не страшно, даже когда приехали, – задумчиво вспоминает Евгений Альбертович. – Погода

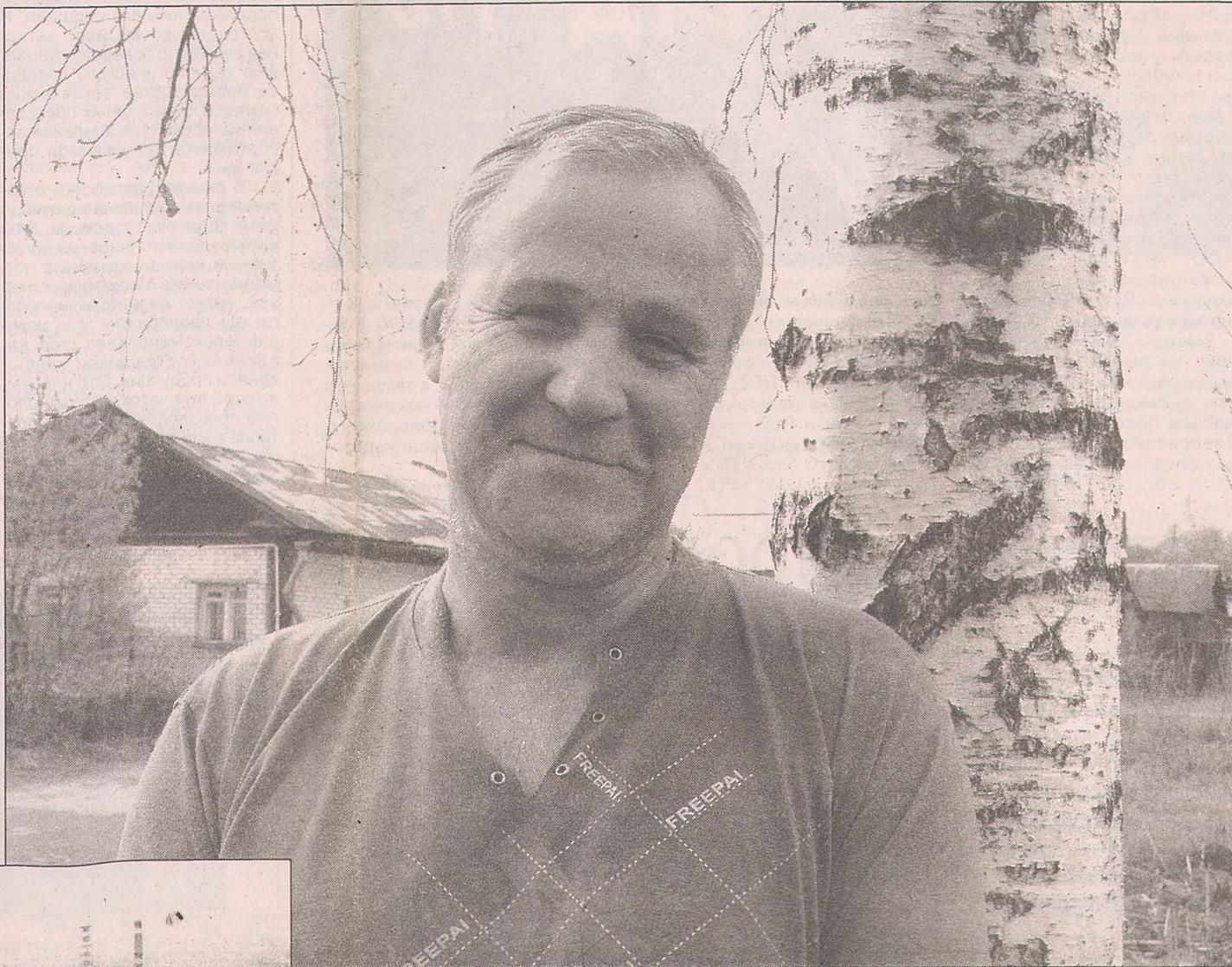
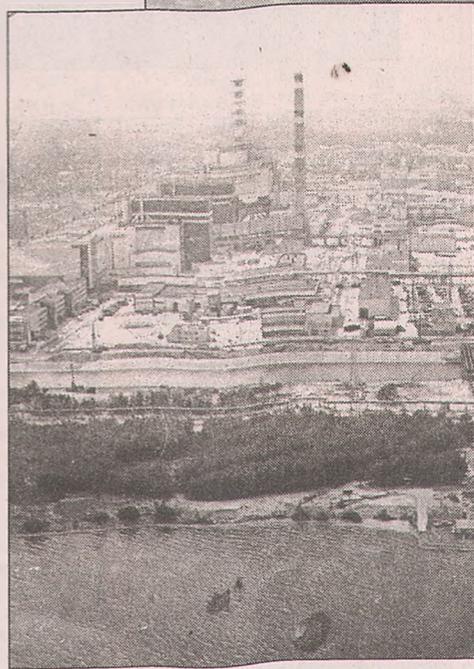

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

теплая, люди доброжелательные. Правда, природой любоваться не пришлось: трава пожелтела, и деревья высохли.

Утром следующего дня впервые преодолели 30 километров на машине до Чернобыльской АЭС.

«Кто хочет побыстрее уехать домой – идите в спецкоманды», – сказали им. Это означало работу в четвертом энергоблоке – в том самом, где произошел взрыв.

– Вот он виднеется, – Евгений Альбертович склоняется над цветным снимком участка АЭС, украшающим письменную благодарность «товарищу Жукову» с подписью командира воинской части подполковника Кужелева. – Это фотография

станции до аварии. Энергоблок – плоский, тонкий, ничем не примечательный параллелепипед, примыкающий к какой-то стене. Здесь мы делали саркофаг – его еще называют «могильник» – закрывали все метровыми оцинкованными плитами.

За энергоблоком возвышается труба с белыми и темными кольцами.

– Труба высокая, наверное, около ста этажей. Мы поднимались только сюда, – ярославский чернобылец показывает место повыше середины трубы. – Здесь кольца заливали специальным жидким раствором, поглощающим радиацию. К вечеру раствор застывал, его отскребали лопатой и сбрасывали вниз.

На кольцо выпускали только по одному на двадцать пять секунд. Услышал свою фамилию – и бегом с лопатой на кольцо. Отскребая застывший раствор, через двадцать пять секунд услышал приказ – бросаешь все и бежишь назад. И больше в этот день на кольцо не выходишь. Когда я очутился там, на высоте, в первый раз и увидел разрушенную станцию сверху, подумал: господи, да здесь же тысячи людей погибли, а не сотни, как говорят официально...

После работы – душ, одежду куда-то уносили, вместо нее выдавали новую. Между прочим, никаких противогазов. Простая армейская форма, лет-

ний подшлемник, марлевая повязка на рот и нос, резиновые сапоги, оцинкованный плащ, закрывающий грудь, живот и ноги.

Когда на машинах возвращались в палаточный городок через каждые десять километров машины останавливали и мыли специальным дезактивирующим раствором.

По вечерам после ужина – кстате, кормили всех прекрасно – столовая превращалась в кинозал. Фильмы привозили из Киева. К сожалению, большинство их было на украинском языке...

– А однажды мы с ребятами выяснили, что в живых организмах радиацию сохраняет только костная ткань, – углубляется в воспоминания Евгений Альбертович. – В реках зараженной зоны было очень много рыбы. И ловилась она даже без удочки: насадил червяка на пруттик, опустил в воду – выгасил рыбу. Както раз нам стало любопытно, насколько эта рыба радиоактивная, поднесли к ней дозиметр – ноль! Сперва глазам не поверили. Потом разрезали рыбину, сняли мясо, поднесли дозиметр к хребту – аж зашкалило!

Еще одно яркое воспоминание – поездка к мертвому городу Припять.

– Город был обнесен колючей проволокой. Впрочем, можно было легко пробраться на его территорию, но желания такого у нас не возникло. Припять произвела сильное впечатление, вот только словами его не опишешь...

Евгений Жуков проработал в Чернобыльской зоне сорок три дня. Он получил двадцать пять рентген при допустимой норме тринадцать и заработал четыре тысячи рублей – деньги по тем временам немалые. Он не потерял природного оптимизма и легкого, веселого характера. И отдался третьей пожизненной группой инвалидности, хотя был единственным из всей 26-й бригады, кто осмелился наесться огромной клубники, растущей всего в километре от дико фонающей АЭС.

– Когда уезжал домой, все-таки было грустно и даже почти хотелось остаться, – признается он. – Коллектив у нас был очень сплоченный, сдружились так, что стали как родные. А ведь ощущали себя в точности как на войне, только такой, где враг и смерть невидимы.

Надежда ШЕСТЕРИНА.